
АЛКМАН

АЛКМАН

[Информация](#)

Стихотворения

* * *

Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман-певец,
У куропаток заимствовав их.

[Вересаев В.]

* * *

И котёл тебе я дам на ножках,
где ты много еды приготовишь,
но пока он ещё не на огне, но вот уже
похлёбка в нём, и всеядный Алкман
буж вожделеет быстро развернуть
ленивую стопу и съесть всё сам
что сварено, вкушая пищу всех
среди народа.

[Авксентьев М.]

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе, —
В нем собирай ты различную пищу.
Нет еще жара под ним, но наполнится
Скоро он кашей, которую в стужу
Любит всеядный Алкман подогретою.
Он разносолов различных не терпит,
Ищет он пищи попроще, которую
Ест и народ...

[Вересаев В.]

* * *

Милые девы, певицы прелестноголосые! Больше
Ноги меня уж не держат. О, если б мне быть
зимородком!
Носят самки его над волнами, цветущими пеной,
Тяжкой не знает заботы, весенняя птица морская

[Вересаев В.]

Милые девы-певицы, с голосом сладким! Не
держат
Ноги больше меня. О, если б мне быть
зимородком!
Носится с самками он над волнами, цветущими
пеной,
Тяжких не зная забот, весенняя птица морская.

[Вересаев В.]

Звонкоголосые, нежно поющие девы, не в силах
Ноги носить меня в пляске... О, если бы я
красноперым
Был зимородком, богами любимым, — тогда бы
бесстрашно
Я с гальционами вместе носился над пенной
волною!

Эти стихи писатель эллинистической эпохи Антигон
Каристский цитирует с таким замечанием: «Когда
самцы гальционы (зимородка) становятся слабыми
от старости и уже не могут летать, то самки берут их
на крылья и несут на себе. И то, что говорит
Алкман, совпадает с этим. Он говорит, что слаб от
старости и не может ни двигаться вместе с хором,
ни принимать участие в плясках девушек».

[Церетели Г.]

* * *

Муза Каллиопа дочь Зевесова,
начинай с возлюбленных речей, и после страсть
вложи ты в гимн и радующийся хор.

[Авксентьев М.]

О Каллиопа! Зачни нам прелестную
Песню, и страстью зажги покоряющей
Гимн наш, и сделай приятным хор!

[Вересаев В.]

* * *

Тщетно крик все девушки подняли,
Как стая, в которую ястреб влетел.

[Вересаев В.]

* * *

Я несу тебе с молитвой
Тот венок из златоцветов
Вместе с кипером прелестным.

Кипер (кипериск) — осоковое растение.

[Вересаев В.]

* * *

Музы, царя Олимпийского дочери,
переполните мне душу
Вождельем песен новых.
Пусть пленяющий напев
5[Славословящих дев разлетается в шири
Ясных небес.]

Сон от ресниц отогнав усладительный,
Чтобы душой я восстал к состязанию,
Светлые кудри мои
10Встряхнуть в такт песне.

.....
...страстью крушащая?

Взглянет — и силы лишит, и, расслабленный,
Смерти, не сну обречен!

15Не зря взгляд ласков.

Астимелеса мне слова не молвила,

Стройною ногой ступает,

Словно в небе осиянном

Восходящая звезда,

20Словно поросль, цветущая золотом, словно

Нежность сама.

...Мира душистою влагой кинирскою

Умощены кудри девичьи пышные,

Башня цветочных гирлянд

25Красу венчает. Астимелеса — забота народная —

Выступает словно с войском,

Дань почтения собирая

.....
Только посмотрит, да только приблизится,
30Только притронется нежными пальцами,—
Тотчас же я становлюсь
Ее молителю.

Текст составляется из двух папирусных отрывков, между которыми следует предположить лакуну в 50 стихов. 1—7 — перевод выполнен по тексту, дополненному современным издателем.

...страстью крушащая — как видно, описание Астимелесы, предводительницы хора; имя ее (буквально: «заботящаяся о городе») Алкман в дальнейшем переосмысляет, чтобы показать значение совершаемого ею обряда для благополучия гражданской общины.
Влага кинирская — благовония, производившиеся на Кипре.

[Казанский Н.]

* * *

...надела прелестного Белых богинь,
Где два дерева сладких гранатов
Среди лоз, разросшихся пышно.
Только из реки прекрасной показались Нереиды,
5Каждый возжаждал, чтоб, с девою ложе деля,
Все, что для жен, для мужей уготовано,—
Брака изведать конечную сладость...

Текст, составленный из двух папирусных фрагментов.

Надел... Белых богинь — т. е. Нереид.

[Казанский Н.]

* * *

Многочтимые от века
У богов и человека
Под землю вечно живы
В богосозданных чертогах
5Укрощающие коней
Два умельца — сильный Кастор
И преславный Полидевк.

Под землю вечно живы — по наиболее распространенной версии мифа, один из Диоскуров был взят после смерти на небо, а другой оказался в Аиде; затем братья стали меняться местами (См.: Пиндар, 11-я Пиф. песнь, 80—84). Алкман, как видно, использовал другой вариант.

[Казанский Н.]

* * *

Муза, приди к нам, о звонкоголосая!
Многонапевную песнь
На новый лад начни для дев прекрасных!

[Вересаев В.]

* * *

Будь мой приятен хор
Дому Зевса и тебе, о царь!

[Вересаев В.]

* * *

И сколько их у нас ни есть,
Девы все кифариста хвалят.

[Вересаев В.]

* * *

Между дев, что на свет солнца глядят, вряд ли,
я думаю,
Будет в мире когда хоть бы одна дева столь
мудрая.

[Вересаев В.]

* * *

Знаю все напевы я
Птичьи...

[Вересаев В.]

* * *

Не деревенщина-мужик ты,
Не простак и не дурачина,
Не из фессалийских стран,
Не эрисихеец, не пастух ты, —
5Родом ты из Сард высоких!

По-видимому, девичий хор обращается к Алкману.

Эрисихеец — то есть родом из города Эрисихи, г. в
Акарнании (юго-зап. часть Ср. Греции).

[Вересаев В.]

* * *

Муж пускай Многословом зовется, жена —
Вседовольной!

[Вересаев В.]

* * *

«Зевс, мой отец! Если б мне был он мужем!»

[Вересаев В.]

* * *

«Если б женщиной стать мне!»

[Вересаев В.]

* * *

В собрание мужей и на пире
Пред гостями пеан зачинать подобает
сладостнозвучный.

[Вересаев В.]

* * *

И нить тонка, и жестока Ананке!

Ананке — неотвратимость, судьба.

[Вересаев В.]

* * *

Опыт — вот основа познания.

[Вересаев В.]

* * *

Кто же бы высказать мог когда-либо мысли
другого?

[Вересаев В.]

* * *

Железный меч не выше прекрасной игры на
кифаре.

[Вересаев В.]

* * *

Также и ты, многомогущая Зевсова дочь...

[Ярхо В.]

* * *

...Многомощная Афина...

[Ярхо В.]

* * *

Вот и увидел я Феба во сне.

[Ярхо В.]

* * *

Кипр любимый оставив и Пафос, волной
омываемый...

[Ярхо В.]

* * *

О Артемида, стрелами грозная!

[Ярхо В.]

* * *

Зевса дочь и Селены,
Поит их Роса...

[Ярхо В.]

* * *

Горе-Парис, Злосчастье-Парис для Эллады,
Мужей возрадившей.

[Ярхо В.]

* * *

...Ты дала Александру себя покорить...

[Ярхо В.]

* * *

Там Аякс с конем, безумный, и в крови весь
Мемнон...

[Ярхо В.]

* * *

Кирка однажды друзьям Одиссея
Зельем уши намазала.

[Ярхо В.]

* * *

Моря владычица Инó от груди своей...

[Ярхо В.]

* * *

...И лучник Геракл...

[Ярхо В.]

* * *

...Наяды, и Лампады, и Фиады...

Наяды — нимфы источников.

Лампады — нимфы, спутницы Гекаты-Селены, освещающие ночью дорогу факелами.

Фиады — вакханки, участницы дионисического праздника (фиаса).

[Ярхо В.]

* * *

...Мелампода с Гарпаликом.

Мелампод — сын Амифаона, врач и пророк, наделенный даром понимать голоса птиц и животных.

[Ярхо В.]

* * *

Три времени в году — зима
И лето, осень — третье,
Четвертое ж — весна, когда
Цветов немало, досыта ж
5Поесть не думай...

[Вересаев В.]

* * *

Вот семь столов и столько же сидений.
На тех столах — все маковые хлебцы,
Льняное и сезамовое семя,
И для детей в горшочках — хрисокола.

Сесам — кунжут.
Хрисокола — кушанье из льняного семени с медом.

[Вересаев В.]

* * *

Часто на горных вершинах, там
где боги ликуя празднуют блестяще
держа златую чашу, и большой сосуд
какой имеют овцепасы-мужи,
Бты руки погружаешь только в молоко львов
засыривая сыр большой неломкий белый
Аргоубийце...

Аргоубийца — прозвание Гермеса, убившего
стоглазого великана Аргуса, который был
приставлен Герой сторожить возлюбленную Зевса
Ио, обращенную в корову.

[Авксентьев М.]

Часто на горных вершинах, в то время, как
Праздник блестящий тешил бессмертных
В чашу из золота, в кружку огромную, —
У пастухов подобные кружки, —
Выдоив львицу рукою бестрепетной,
Сыр ты готовила острый, великий
Аргоубийце...

Описание менады — спутницы Диониса.

Аргоубийца — Гермес, устранивший стоглазого сторожа Аргуса, который мешал Зевсу приблизиться к его возлюбленной Ио.

[Вересаев В.]

* * *

Почивают гор вершины и ущелья,
рощи и лощины,
и племя змей, которых кормит чёрная земля,
и звери горные, род пчёл,
и обитатели морских глубин закатных,
и почивает род длиннокрылых птиц.

[Авксентьев М.]

* * *

Он уж подаст бобовую нам кашу,
И плод вощаный пчел, и хидрон белый.

Плод вощаный пчел — мед.
Хидрон — вареная пшеница.

[Вересаев В.]

* * *

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья,
Змеи, сколько их черная всех земля ни кормит,
Густые рои пчел, звери гор высоких
5И чудища в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.

Отрывок, обработанный И. В. Гете и М. Ю.
Лермонтовым.

[Вересаев В.]

* * *

А он на флейте будет нам
Мелодию подыгрывать.

[Вересаев В.]

* * *

Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный
дурачится, как мальчик.
Сердце, берегись его! Несется по цветущим он
верхушкам кипериска...

Образец так называемого критского гекзаметра,
стопа которого отличается от дактилической стопы
лишним слогом.

[Вересаев В.]

[1-Й ПАРФЕНИЙ]

.....
Убитого Полидевком.
Не Ликайса лишь в числе усопших я вспомню, —
Вспомню Энарсфора с быстроногим Себром,
5Многомощного Бокола,
В ярких латах Гиппофоя,
И Эвтейха-царя, и Аретия
С Акмоном, славным меж полубогов.

Скея, пастыря дружин
10Великого, и Эврита,
В битвах стойкого бойца,
И Алкона — всех их, храбрых,
Не забудет песнь моя.
Сломили Судьба и Порос
15Тех мужей, — старейшие
Меж богов. Усилья тщетны.

На небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой,
Кипрскою царицей, или
20С дочерью прекрасной Порка,
Бога морского. Одни страстноокие
Входят хариты в Кронидов дворец.

Из мужей сильнейшие —
Ничто. Божество над всеми
25Царствует. Другьям богов
Оно посылает блага,
Как из почвы бьющий ключ.
Врагов же смиряет. Силой
Грозной некогда пошли
30На Зевсов престол Гиганты.
Бой был тщетен. От стрелы одни погибли,
И от мраморного жернова — другие.
Всех Аид их ныне принял,
Их, что собственным безумьем
35Смерть на себя навлекли. Замышлявшие
Зло претерпели ужасный конец.

Есть богов бессмертных мечь.
Блажен, кто с веселым духом,
Слез не зная, дни свои
40Проводит. А я блистанье

Агидó пою. Гляжу,
Как солнце блестит: его нам
Агидо дает познать.
Но мне ни хвалить прекрасной,
45Ни хулить не позволяет та, что хором
Словно правит. Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконового,
50Сходного с быстролетающим сном.

Не видишь? Вон пред нами конь
Енетский. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
55Золотом беспримесным.
Лицо же ее серебро —
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою, —
60Колаксаев конь за приз с ибенским спорит.
Поднимаются Плеяды
В мраке амбросийной ночи
Ярким созвездьем и с нами, несущими
Плуг для Орфрии, вступают в битву.

65Изобильем пурпура
Не нам состязаться с ними.
Змеек пестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев
70С блистающим томно взором.
Пышнокудрой нет Нанно́
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клисисеры:
И, придя к Энесимброте, ты не скажешь:
75«Дай свою мне Астафиду!
Хоть взглянула б Янфемида
Милая и Дамарета с Филиллою!»
Агесихора лишь выручит нас.

Разве стройноногая
80Не с нами Агесихора?
Стоя возле Агидо,

Не хвалит она наш праздник?
Им обеим, боги, вы
Внемлите. Ведь в них — начало
85И конец. Сказала б я:
«Сама я напрасно, дева,
Хором правя, как сова, кричу на крыше,
Хоть и очень угодить хочу Аотис:
Ибо всех она страданий
90Исцелительница наших.
Но желанного мира дождалися
Только через Агесихору девы».

Правда, пристяжной пришлось
Ее потеснить без нужды.
95Но на корабле должны
Все кормчему подчиняться.
В пенье превзошла она
Сирен, а они — богини!
Дивно десять дев поют,
100С одиннадцатью равняясь.
Льется песнь ее, как на теченьях Ксанфа
Песня лебеди; кудрями золотыми...

.....

Папирусный отрывок, начало которого испорчено;
единственный крупный отрывок, дошедший до нас от Алкмана.
Текст был найден в XIX веке в одной из египетских гробниц.
Несколько начальных десятков стихов парфения утрачены,
некоторые стихи переведены по предположительной
реконструкции, из-за чего возникают трудности в толковании
фрагмента. Вероятнее всего, парфений исполнялся девичьим
хором в честь богини Артемиды, почитавшейся в Спарте уже в
IX в. под культовым именем Орфии — покровительницы
плодородия, рождаемости, роста детей. Перед стихами, с
которых начинается приводимый здесь перевод (несколько
уточненный по новым изданиям текста), сохранились правые
половины еще 12-и строк, из которых ясно, что речь идет о
легендарных царях и героях спартанского прошлого. После
назидательного рассуждения о скромной по сравнению с богами
доле смертного и соответствующего примера из мифологии
(победа богов над гигантами) следует прославление девичьего
хора, в частности девушек Агидо и Агесихоры.

Убитого Полидевком — начало парфения не сохранилось, и кто
был убит Полидевком — неясно.

Энарсфор, Себр, Бокол и т.д. — сыновья мифического героя Гиппокоонта, убитые Гераклом.

Судьба — точнее «Доля», выпадающая каждому смертному при его рождении. *Пороса* древний комментатор отождествляет с Хаосом. Платон в «Пире» говорит о Поросе (изобилии) как об отце Эрота.

...мечтать о браке... с дочерью Порка — т. е. с одной из божественных Нереид. *Порк* — спартанское морское божество, тождественное общегреческому Нереею.

...от стрелы... погибли — гиганты, поднявшие восстание против Зевса и укрощенные его перунами.

...от мраморного жернова — так был сражен один из гигантов.

Конь Енетский — либо из области венетов (сев. побережье Адриатического моря), либо из Иллирии (вост. побережье того же моря).

Колаксаев конь... с ибенским спорит... — первый, по-видимому, скифский (у Геродота упоминается скифский царь Колаксай); второй, по объяснению античного комментатора, от племени ибенов в Лидии. Это знаменитые породы коней; сравнение красивой девушки с лошадью для древнегреческой поэзии обычно. В данном случае Алкман, возможно, также подразумевает, что первый так же превосходит второго, как Агесихора свою помощницу Агидо.

Плеяды — здесь, возможно, соперничающий хор.

Амброзия (амвросия) — пища богов; перен. «аромат, благовоние».

Плуг — т. е. его миниатюрное изображение, посвящаемое богине.

Орфрия — вероятно, имеется в виду богиня Артемида Орфия («Восходящая» — эпитет Артемиды в Спарте и Аркадии).

Аотис — еще одно культовое именование Артемиды, отождествляемой с восходящей луной.

Ксанф — река в Малой Азии.

...
Не хватит нам пурпура
Состязаться с соперницами;
Нет у нас змеек,
5Чеканенных из золота;
Нет лидийских повязок
Для девушек с томными очами;
Нет таких кос, как есть у Нанно,
Нет Ареты, которая — как богиня,
10Нет Силакиды, нет Клеэсисеры;
Не пойти нам к Энесимброте, не сказать ей:
«Дай нам Астафиду,
Дай нам приглянуться
Филилле, Дамарете, милой Янфемиде!»
15А нам и не надо —
Ведь у нас зато есть Агесихора!
Вот она с нами —
Прекрасная в лодыжках;
Стоя рядом с Агидо,
20Славит она праздник наш;
Боги, боги,
Слушайте молитвы их!..

[Гаспаров М.]

[СЧАСТЬЕ]

Доброзаконья сестра и Рассудка,
Дочь осторожности.

[Вересаев В.]

МЕГАЛОСТРАТЕ

Этот приятных дар Муз
блаженная мне дева показала
русая Мегалострата.

[Авксентьев М.]

Златокудрая Мегалострата,
В девах блаженная,
Явила нам
Этот дар сладкогласных муз.

[Вересаев В.]

СЛАДКИЙ ЭРОС

Эрос мне снова Киприды указом
сладкий заполнив сердце веселит.

[Авксентьев М.]

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

[Вересаев В.]

[Информация](#)

[Стихотворения](#)

[Биографические данные](#)

[Тематика](#)

[Метр](#)

[Диалект](#)

[Художественные достоинства](#)

[Значение и влияние](#)

[↑](#) **Биографические данные**

Алкман жил и работал в Спарте в период после 2-й Мессенской войны. О происхождении Алкмана споры велись уже в древности. Антипатр Фессалонийский писал, что «у поэтов множество матерей», и что Европа и Азия обе претендовали быть родиной Алкмана [1].

По общей традиции Алкман происходил из Мессы в Спарте; по утверждению Суды — из Сард в Лидии [2]. Утверждение Суды представляется более вероятным, так как 1) в текстах Алкмана прослеживается большое влияние лидийской традиции и культуры; 2) Алкман сам замечает, что перенял свое поэтическое мастерство у «кудахтающей куропатки» (κακκῆβίζων [3]), которая встречается в Малой Азии и в Греции неизвестна; 3) сохранился отрывок (как считается, обращение девичьего хора к Алкману), где утверждается, что Алкман «не был ни деревенщиной-простаком, ни фессалийцем, ни пастухом-эризихийцем», но родом «из Сард высоких» [4]; 4) Аристотель сообщает, что Алкман приехал в Спарту как раб в семье Агесидов (*v.l.* Агесидамов), которыми впоследствии был освобожден за свое поэтическое мастерство [5].

Суда приводит дату рождения Алкмана — 27-я Олимпиада, т.е. между 668 и 664 до н. э., когда Ардис, отец Алиатта, был царем Лидии [2].

Почти достоверно, что Алкман происходил от родителей-рабов; упоминается также имя его отца, Дамас или Титар. [2] Аристотель также сообщает, что «по преданию» умер Алкман от педикулеза [6] (хотя мог спутать Алкмана с философом Алкмеоном Кротонским [7]). Павсаний сообщает, что могила Алкмана находилась в Спарте рядом с могилой Елены Троянской [8].

Алкман — первый известный по сохранившимся фрагментам поэт, писавший песни для хора. В Спарте, где особенно почитались Аполлон и богиня-девственница Артемида, девичьи хоры были особенно распространены. Для них помимо текстов Алкман создавал мелодии и разрабатывал танцевальные движения.

Корпус текстов Алкмана, собранный александрийскими филологами, составлял 6 книг (ок. 60 произведений). Все эти тексты были утеряны с началом Средневековья; до 1855 Алкман был известен только по цитатам у греческих авторов. Суда сообщает, что Алкман был изобретателем любовной поэзии и написал шесть книг лирических стихотворений и «Ныряющую женщину» [2].

В 1855 в захоронении у второй пирамиды в Саккаре был найден первый папирус, содержащий подлинный текст Алкмана. На папирусе (который сегодня хранится в Лувре) сохранилось ок. 100 строк парфения — «девичьей песни», предназначенной для исполнения хором девушек. В 1960-е годы в Оксирихе в раскопках скоплений древнего мусора были найдены новые папирусы с подлинными текстами Алкмана; почти все они являются также отрывками парфениев.

Тематика

Алкман писал преимущественно пеаны (гимны богам), проомии (вступления к эпическим декламациям) и парфении (песни для хоров девушек). Из сохранившихся фрагментов (которые с трудом поддаются категоризации), наибольшее значение представляют отрывки из пеанов Зевсу Пифийскому, Кастору и Полидевку, Гере, Аполлону, Артемиде, Афродите; отрывок из 1-го парфения.

Парфений отличался от гипорхемы отсутствием экспрессивной мимики и быстрого танца, был ближе к торжественно-процессуальному просодию, оставаясь более грациозным. Фрагмент сохранившегося парфения Алкмана насчитывает 101 строку (семь строф по 14 стихов, 30 из которых серьезно повреждены); он был написан к чествованию Артемиды Орфии.

Текст сложен из отдельных частей, связанных между собой формулами, определяющими конец одного и начало другого сюжета: 1) прославление древних героев Спарты братьев Диоскуров, затем сыновей Гиппокоонта, убитых Гераклом; 2) размышления о могуществе богов и бренности человеческой жизни, вытекающие из этого моральные предписания; 3) прославление самого хора, который исполнял парфений, его руководительницы и отдельных участниц, которые исполняли танец. Интонация сохранившейся части парфения камерная, свободная; описание девушек изящно, деликатно, не лишено юмора.

Алкман также писал гипофегматы (танцевальные песни), эротики (любовные песни), эпиталамии (свадебные песни), сколии (застольные песни). Тексты Алкмана отличаются непринужденностью, отсутствием характерной для Спарты строгости; легки и подвижны сами размеры.

Алкман, возможно, также писал хоры для мальчиков. Афиной приводит сообщение спартанского историка II в. до н. э. Сосибия о том, что песни Алкмана исполнялись во время гимнопедий: «У ведущих хоров на голове тирейские короны, в память о победе на Тирейских празднествах, где они также справляют гимнопедии. Всего хоров три — впереди хор мальчиков, справа хор стариков, слева хор мужчин; они танцуют, обнаженные, исполняя песни Талета, Алкмана и пеаны Дионисидота Лаконца» [9].

Метр

Сохранившиеся фрагменты в основном делятся на строфы большого размера; используются стихи различных метров, по 9—14

стихов в строфе. Чаще всего Алкман использует гекзаметр и тетраметр; характерная для Алкмана двустрочная система из дактилического гекзаметра и дактилического тетраметра получила название [Алкмановой строфы](#). Метрические нововведения Алкмана очень важны; он употребляет не только все метры, которые использовались до него — гекзаметр, ямб, хорей, амфимакар — но вводит новые, напр. бакхий (краткий и два долгих). В своем разнообразии метрики Алкман стал образцом для позднейших поэтов.

Диалект

Павсаний сообщает, что хотя Алкман писал на дорийском диалекте (который отличался известной неблагозвучностью), диалект ни в коем случае не портит прелести его песен [8]. Дорийский диалект имеет в первую очередь орфографические особенности; напр. $\alpha = \eta$, $\omega = \text{ou}$, $\eta = \epsilon$, $\sigma = \theta$, отличается акцентуацией; однако неясно, присутствовали эти особенности в исконных текстах Алкмана, или были добавлены позже при копировании его текстов для удобства исполнителей. Возможно, тексты были обработаны в Александрии, грамматики которой таким образом приводили текст к современному им дорийскому диалекту.

Аполлоний Дискол сообщает, что Алкман писал на эолийском диалекте [10]. Утверждения Аполлония основано на факте употребления Алкманом дигаммы, и также таких не-дорийских элементов так $\sigma\delta = \zeta$, $-\text{o}\iota\sigma\alpha = -\text{o}\upsilon\sigma\alpha$, но в первом случае дигамма все-таки использовалась и в дорийском диалекте, во втором подобные элементы были известны у многих пост-гомеровских лириков.

Английский филолог Денис Пейдж делает следующие выводы о подлинном языке Алкмана: 1) подлинным диалектом сохранившихся фрагментов Алкмана преобладающе является лаконское просторечье; 2) очевидных свидетельств присутствия чужих диалектов нет; 3) из чужих не-лаконских особенностей присутствуют только эпические элементы; они представлены бессистемно и встречаются главным образом во фрагментах, где метр и тема заимствованы из эпической традиции [10].

Датский филолог Джордж Хиндж утверждает обратное: Алкман писал на дорийском диалекте (на «общем языке поэзии»), но песни, будучи предназначены для исполнения спартанцами, были переписаны в соответствии с нормами лаконской акцентуации и орфографии в III в. до н. э. [12].

По просодическому, мофологическому и фразеологическому анализу текстов, Алкман более всего близок к дорийской гомеровской традиции.

Художественные достоинства

Независимо от темы, тексты Алкмана отличает ясный, легкий, очаровательный тон, что постоянно упоминают античные комментаторы. Присутствуют детальные описания обрядов и религиозных празднеств (контекст большинства таких деталей восстановить сегодня не удастся).

Язык Алкмана богат визуальными образами. Он создает прекрасные метафоры, называя напр. морскую пену «цветком волны», поросшие лесом горы — «грудью темной ночи» и т. п. Алкману принадлежит первая в своем роде картина тишины вечера; известный фрагмент (названный в наше время «ноктюрном») описывает глубокий покой природы после наступления ночи [13].

Темы лирики Алкмана разнообразны; он обращается к Музам с просьбой «зачать прелестную песню» и «зажечь покоряющей страстью» гимн, указывая, что мелодию и слова он заимствовал у куропадок. Он увещевает свое сердце беречься Эрота, который «бешеный дурачится, как мальчик» и «милостью Киприды нисходит вновь, согревая сердце»; выражает свое восхищение: «Между дев, что на свет солнца глядят, вряд ли, я думаю, // Будет в мире когда хоть бы одна дева столь мудрая» и т. п. Эротики Алкмана в древности высоко ценились.

Такому поэтическому настроению у Алкмана в то же время сопутствует настоящий натурализм, когда он напр. хвалит свою простую пищу и заявляет о невозможности наесться досыта. Алкман ценит «железный меч не выше прекрасной игры на кифаре»; не чужд пессимизму: «И нить тонка, и жестока Ананке!».

Значение и влияние

В Спарте, где на протяжении нескольких столетий он был глубоко почитаем, ему был установлен памятник. В эллинистической Александрии его чтит и изучали, включив в канонический список Девяти лириков. Алкмана считают одним из основателей поэзии — он обрабатывал импровизированные песнопения, происходящие из древней музыкально-танцевальной традиции, войдя в число тех, кто трансформировал культуру музыкально-танцевальную в культуру собственно поэтическую. Прославление в гимнах Алкмана простых людей наряду с богами и героями является характерным нововведением, свидетельствующим о прогрессе светской поэзии, возникшей в недрах религиозной песенной культуры.

См. источники

1. Палатинская антология, 7 18.
2. Suda, s.v. Ἀλκμάν.
3. Alcman, Bergk 25 [22], ed. IV, 1882.
4. Alcman, Bergk 24 [11], ed. IV, 1882.
5. Aristotle, fr. 372 Rose, in Heraclides Lembus, Excerpt. polit. (p. 16 Dilts).
6. Аристотель, История животных, V 31 (138).
7. O. Musso, Prometheus 1, 183—4.
8. Павсаний, 3 15, 2—3.
9. Athenaeus, Deipnosophists, 678 b.
10. Apollonius Dyscolus. De pronomibus pars generalis, 1.
11. Denys Page. The Partheneion. — Oxford, 1951.
12. См. The Dialect of Alcman.
13. Фрагмент позже воспет Гете, стих. «Über allen Gipfeln ist Ruh», и Лермонтовым, стих. «Горные вершины».